

DOI 10.15826/qr.2018.3.332
УДК 94(438)"18"+39(=214.58)+316.324.3

ГОНЕНИЯ НА КОЧЕВЫХ ЦЫГАН В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

Алиция Гонтарек

Университет Марии Кюри-Склодовской,
Люблин;
Институт национальной памяти,
Варшава, Польша

THE PERSECUTION OF NOMADIC GYPSIES IN THE KINGDOM OF POLAND IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Alicja Gontarek

Maria Curie-Skłodowska University,
Lublin;
Institute of National Remembrance, Historical Research Office,
Warsaw, Poland

This article concerns the persecution of Romany nomads in the Kingdom of Poland in the second half of the 19th century. Such actions, initiated on a larger scale in the 1890s, included forcing outlanders from cities and villages by using all available methods. They resulted mainly from a spontaneous and impetuous resistance of the majority community in the face of a wave of thefts and other minor offences that accompanied the arrival of nomadic Gypsies. Such behaviour, especially in the villages, was part of peasants' traditional self-defence, which aimed at increasing the level of security for residents of those areas dealing with the limited speed and effectiveness of police intervention. The Polish public, including its intellectual elite, considered the Gypsy issue a social notion, which was part of a larger programme combatting all kinds of pathologies influencing both urban and rural communities, e. g. alcohol addiction, begging, prostitution, violence, etc. The actions aimed against Gypsies had nothing to do with ethnic or national-

* *Citation*: Gontarek, A. (2018). The Persecution of Nomadic Gypsies in the Kingdom of Poland in the Second Half of the 19th Century. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 3, p. 854–874. DOI 10.15826/qr.2018.3.332.

Цитирование: Gontarek A. The Persecution of Nomadic Gypsies in the Kingdom of Poland in the Second Half of the 19th Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 3. P. 854–874. DOI 10.15826/qr.2018.3.332 / Гонтарек А. Гонения на кочевых цыган в Царстве Польском во второй половине XIX в. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 3. С. 854–874. DOI 10.15826/qr.2018.3.332.

ist animosities. Indeed, nomadic Gypsies, especially in the rural areas (and in the manors of landowners), played their centuries-old roles of musicians, fortune-tellers, or useful herbalists or healers who knew how to treat dangerous illnesses and relieve a variety of ailments. Thus, their appearance “electrified” residents in a positive manner too, as an element of exoticism which was usually unseen. The improvised social action to drive out nomadic Gypsies was mainly caused by the lack of effective government response to an increased influx of these groups in the empire in the second half of the 19th century. Considering the lack of a long-term and thoughtful government policy concerning Gypsies, with the exception of the 1895 resolution which banned the nomadic lifestyle throughout the empire, the so-called Gypsy issue was not a part of a national or ethnic strategy. Such problematic issues were supposed to be resolved mainly by the police, which however exacerbated the matter. The cumbersome presence of Gypsies was probably treated as a regional issue, perhaps most noticeable in the Kingdom of Poland. Nonetheless, the fact that the 1895 resolution was adopted anyway demonstrates the attempts to define and comprehensively resolve the so-called Gypsy issue not only in the kingdom, but also across the empire. However, when the law was passed, the authorities were aware of the anachronism of their actions and the lack of resources to help them reach their goal, i.e. the eradication of nomadism.

Keywords: combating nomadism; Gypsies; Kingdom of Poland; nomadism; peasantry.

Статья посвящена проблеме гонений на кочевых цыган в Царстве Польском во второй половине XIX в. Начавшиеся еще в 1890-х гг. и имевшие большой размах, подобные меры предполагали изгнание чужеземцев из городов и деревень всеми возможными способами. Эти действия были вызваны стихийным сопротивлением национального большинства вспышкам краж и другим мелким преступлениям, череда которых следовала за прибытием в населенный пункт кочевых цыган. Подобное поведение, особенно в деревнях, было частью традиционной обороны крестьян, которые таким образом пытались обеспечить безопасность в районах, куда полиция добиралась медленно и действовала малоэффективно. Цыганский вопрос считался польским населением, и в том числе интеллектуальной элитой, социальным, и был сопряжен с осуществлением программы по борьбе с любого вида «патологиями», которые могли сказаться на жизни города и деревни, например, таких как пьянство, туеядство, проституция, насилие и т. п. Эти действия, с другой стороны, не были вызваны этническими или националистическими мотивами, направленными против цыган. Напротив, в сельской местности цыгане занимались своими традиционными промыслами, исполняли музыку, гадали (в том числе и жителям поместий), лечили или облегчали симптомы опасных болезней благодаря своему знанию трав и медицины. Появление цыган оказывало будоражащий эффект на местных жителей, в том числе и в положительном смысле – благодаря их непохожести на местных жителей, которая редко встречалась в глубинке. Социальные меры по изгнанию цыган были в основном связаны с отсутствием эффективных способов, с помощью которых правительство

могло бы регулировать приток таких людей в империю во второй половине XIX в. Учитывая отсутствие правительственной политики в отношении цыган, за исключением резолюции 1895 г., которая запрещала кочевой образ жизни на всей территории империи, следует констатировать, что так называемый цыганский вопрос не входил в список предстоящих к разрешению этнических и национальных проблем. Подобные задачи решались силами полиции, что усугубляло ситуацию. Присутствие цыган рассматривалось как региональная проблема, возможно, сильнее всего выраженная только в Царстве Польском. Тем не менее, то, что резолюция 1895 г. была принята, свидетельствует о попытках определить масштабы и разрешить проблему оптимальным способом не только на территории Царства Польского, но и всей империи. Однако уже в момент введения закона было ясно, что он анахроничен, что ресурсов, которые бы помогли достичь поставленной цели – искоренить кочевничество – недостаточно.

Ключевые слова: кочевники; борьба с кочевничеством; цыгане; Царство Польское; крестьяне.

Проблематика, связанная с присутствием кочевых цыган на территории Царства Польского во второй половине XIX в., до сих пор не становилась предметом пристального изучения исследователей. Единственная научная работа посвящена исключительно обобщенному описанию большой волны миграции цыган из Австро-Венгерской империи и Румынии и ее последствиям. Согласно содержащемуся в ней предположению, в результате миграционных процессов произошли значительные явления во внутрицыганских отношениях, а также во взаимоотношениях цыган с жителями Царства Польского. Аллохтоны (в том числе кэлдэары и ловари), среди которых было множество высокоспециализированных ремесленников, оттеснили более бедных автохтонов (польских цыган), а их якобы агрессия, жизненная сила и своеобразно воспринимаемая смекалка, проявляющаяся в склонности к побочным и нелегальным формам заработка, также отразились на дальнейшем формировании взаимоотношений с обществом большинства [Ficowski, s. 78–87]¹. В основном это пред-

¹ Приписывание кэлдэарам и ловарям как этническим группам указанных черт на основании характерологической типологии является, разумеется, анахроничной интерпретацией. Представляется, что решающие факторы, обуславливавшие преимущество указанных групп над остальными группами цыган, проистекали из их предприимчивости, определявшей объем их доходов, и прежде всего из их значительного численного превосходства по сравнению с автохтонами. Процесс, приведший к такому доминированию, был длительным по времени и завершился попытками распространения превосходства узкого клана кэлдэаров над всеми группами в межвоенный период. Е. Марушакова и В. Попов обратили внимание на то, что большая волна цыганской миграции второй половины XIX в. имела не только политические, но и общественно-экономические причины. Они отметили, что отмена рабства на территории Молдавии и Валахии привела к тому, что массы цыган, не умея приспособиться к новым обстоятельствам и не будучи способными вести образ жизни свободных граждан, отправились на поиски своего места под солнцем. Ученые назвали это явление термином «бегство от свободы». См.: [Marushiakova, Popov, p. 127].

положение верное, поскольку в истории цыган второй половины XIX в. в изложении Е. Фицовского отсутствовал весьма существенный фактор, способный повлиять как на формирование представленных им действий цыган, так и на их взаимоотношения с обществом большинства. Мы подразумеваем действия властей Российской империи и Царства Польского, а также их административный аппарат².

Повсеместно бытует убеждение, что после отмены крепостного права в 1861 г. Российское государство не проявляло никакой законодательной и административной активности в «цыганском вопросе», даже было относительно лояльно к цыганам, к их культуре и ориентировалось на борьбу с сепаратизмом данной этнической группы без применения чрезмерной силы [Деметер, Бессонов, Кутенков; Зюков, с. 123–124; Crowe, s. 14]. С этими выводами можно согласиться только частично. Действительно, нет никаких признаков существования антицыганской политики в пределах российского влияния, сформированной, к примеру, по прусскому образцу, хотя ее отсутствие не исключало попыток постановки «цыганского вопроса» после отмены крепостного права, особенно если это было связано с проблемой миграции. Следует также вкратце упомянуть о выданном в 1882 г. распоряжении министерства внутренних дел «пограничным властям», в котором предписывается сдерживать наплыв цыган в Россию через австро-венгерскую границу. Идея заключалась в запрете на въезд представителям цыганской национальности, ведущим кочевой образ жизни. Те же, кому удавалось проникнуть на ее территорию, подлежали выдворению полицейскими органами на границу [Gazeta Warszawska, 1882, № 169, s. 2; Słowo, 1890, № 55, s. 3; Gontarek, 2016a, s. 105].

В 1895 г. в Российской империи был издан указ, запрещавший в том числе кочевой образ жизни цыган:

Цыганам безусловно запрещается кочевать как в местах постоянно-го проживания, так и в других областях империи, а также запрещается становиться где-либо табором и устраивать временные стоянки в виде шалашей или палаток. Цыгане, выступающие против данного указа, по распоряжению полиции будут высылаться в места постоянного про-

² Здесь следует вкратце охарактеризовать работу Е. Фицовского, которая нередко цитируется современными авторами. Обращаясь к теме европейских цыган, эти авторы упоминают о польских землях. Следует заметить, что данная публикация носит характер скорее субъективного очерка об истории цыганского меньшинства, изобилуя многословными эвристическими рассуждениями. Обширные и часто отвлеченные рассуждения автора на исторические темы могли бы послужить введением к основной части, посвященной этнографическим исследованиям. Необходимо подчеркнуть тот факт, что автор подчинил свой писательский талант созданию образа классового врага среди польских цыган в лице, как он считал, королей из группы кэлдэраров и других представителей цыганских элит. В связи с этим на данную работу следует ссылаться с большой осторожностью, учитывая ее функцию пропаганды коммунистического режима, даже в исторической части. К сожалению, с 50-х гг. XX в. упомянутая книга переиздавалась Фицовским в неизменной форме. Значительно большую ценность несут содержащиеся в ней исследования культуроведческого толка, опирающиеся на многолетние полевые наблюдения в цыганских таборах и на стоянках.

живания с запретом им на въезд в течение двух лет, а все устроенные ими временные помещения и материалы, предназначенные для их устройства, подлежат уничтожению [ПСЗРИ, т. 14, с. 348].

В Царстве Польском указ начал действовать с июня 1902 г. Его существование, таким образом, входит в конфликт с предположением о принципиальной пассивности империи в цыганском вопросе. И хотя только на его основании сложно утверждать о существовании комплексной политики в отношении данного национального меньшинства во второй половине XIX в., особенно в ракурсе только кочевого образа жизни, тем не менее, указ об уничтожении палаток и цыганских средств транспорта при отсутствии необходимости направлять дело в суд говорит о решительной комплексной борьбе с кочевыми цыганами [Там же, т. 22, с. 614–615].

Введение нового законодательства нашло определенный отклик в прессе Царства Польского, а также соседних государств, в первую очередь в Галиции. «Варшавская газета» и «Варшавский курьер» сообщили о заинтересованности правительственных кругов в желании уберечь оседлое население от «цыганской чумы», что реально соответствовало общественному недовольству [Gazeta Warszawska, 1893, № 115, s. 2; Kurjer Warszawski, 1895, № 172, s. 3]. Однако польская пресса отреагировала на данный указ чрезвычайно скептически, что было обусловлено отсутствием веры в способность государства изменить

Кочевые цыгане на территории Восточной Европы. XIX в.

Nomadic Gypsies on the territory of Eastern Europe. 19th century

положение вещей. К примеру, в 1894 г. «Праздничная газета» на тему цыганского воровства осторожно заявила:

В будущем, возможно, это позволит справиться с данной проблемой, так как недавно было издано распоряжение, запрещающее цыганам кочевать, как ранее [Gazeta Świąteczna, 1894, № 678, s. 2]³.

Российское государство применяло иные инструменты для усиления контроля над кочевыми цыганами. Стремясь к искоренению кочевания цыган, Россия, как и другие государства, сформулировала законы, запрещавшие бродяжничество и нищенствование. В этот период действовали «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1846–1876), «Уголовное уложение Российской империи» от 1866 г., действовавшее в период 1876–1915 гг., и «Уголовное уложение» Таганцева, положения которого стали применяться с 1915 г. Естественно, у нас нет доказательств того, что представители цыганской национальности воспринимались как бродяги и нищие. О цыганском вопросе, особенно о проблеме кочевания цыган, не следует говорить в отрыве от юридического контекста, в котором рассматривались вопросы бродяжничества, сопутствующего ему нищенствования и подачи милостыни. Российская законодательная мысль имела тенденцию к либерализации таких вопросов, признаком чего было, к примеру, введение понятия попрошайничества как преступления, родственного бродяжничеству, но лишенного признаков устойчивости и лицемерия и в связи с этим влекущего меньшее наказание⁴.

Правовым решениям, которые могли быть применены по отношению к кочевым цыганам, сопутствовали и другие правовые инструменты, направленные на борьбу с конокрадством, на котором специализировались группы цыган. Последние трактовали его как способ заработка (из набора своих «традиционных профессий» – попрошайничества и мелкого воровства). И хотя не везде в данном «деле» первенство принадлежало цыганам, однако в Царстве Польском повсеместно считалось, что именно этот вид преступлений был развит и доведен до совершенства кочевыми представителями данного национального меньшинства. Один из помещиков, проживавший в Люблинской губернии, написал в 1902 г. в «Калишскую газету» о конокрадстве и привел план его ограничения, указав на необходимость ввода запрета на кочевание:

...посредством чего, вероятнее всего, удастся отсечь голову гидре конокрадства, доведенного цыганами до высшей степени профессионализма и образцово организованного. Не искоренит это, конечно же, кражу коней сразу, ведь профессия эта существовала слишком долго, слишком успешно

³ Здесь и далее перевод с польского принадлежит автору статьи. – *Прим. ред.*

⁴ О борьбе с бродяжничеством и попрошайничеством см.: [Czarniecki, s. 321–323].

развивалась и много способных адептов смогла воспитать среди местного люда, но все же уничтожит, что самое главное, существующую организацию конокрадства, подкосит его основу [Gazeta Kaliska, 1902, № 199, s. 1].

Поскольку данная проблема стояла весьма остро, в 1899 г. на основе ранее принятых уложений (от 1882 г.) был введен закон об ужесточении уголовной ответственности за конокрадство, что на практике означало прежде всего борьбу с конокрадами-цыганами [ПСЗРИ-1, т. 19, ч. 1, с. 408]⁵.

С учетом того, что цыгане останавливались преимущественно в сельской местности, реализация антицыганского законодательства и других упомянутых уложений была возложена на земскую полицию. Хотя она добилась успеха в борьбе с криминальными преступлениями, это не гарантировало в глазах населения должного уровня безопасности в сельской местности [Frank, s. 31–36]⁶. Особенно малоэффективны были действия полиции в борьбе с кочеванием, поскольку облавы на цыган требовали тщательной подготовки, отсутствие которой частично и объясняет низкую результативность данной службы в их преследовании. Для этого были необходимы недюжинные детективные навыки, а также координация действий полицейских служб двух или более поватов и большие физические усилия, связанные с необходимостью преследования беглецов. Будучи нигде не зарегистрированы, цыгане свободно мигрировали с места на место, не испытывая потребности задерживаться в стационарных помещениях, укрывались в лесах и пр., что делало розыскные мероприятия малопродуктивными. Схваченные кочевые цыгане, хоть и доставлялись под арест и приписывались силой к произвольной местности, не отказывались в дальнейшем от традиционного образа жизни. В связи с этим обстоятельством пришлось в большей степени сосредоточиться на цыганах-преступниках [APKL. KGK. Д. 460, 979, 1268; Mikołajczyk, s. 1039]. Пресса, признавая повсеместное нежелание полицейских сил преследовать цыган, публиковала красноречивые описания отдельных показательных облав на цыганские группы, подозревавшиеся в преступлениях, скорее для успокоения читателей. Они позволяют получить представление о том, сколько усилий требовалось для проведения подобных мероприятий. Автором одного из таких очерков стал житель Свежхова (Петроковской губернии), который лично принял участие в погоне за цыганами:

⁵ Более подробно о конокрадстве в России см.: [Левенстим, с. 28–82]. Стоит отметить, что по оценке государственной полиции, в Республике Польша такое уголовное преступление как конокрадство было наиболее развито, собственно, на территории российской Польши – «здесь оно имело давние традиции, здесь находились квалифицированные исполнители и хорошие организаторы-скупщики краденых коней из числа коммерсантов, которые обычно и финансировали кражи» [Garwacki, s. 248].

⁶ Об органах обеспечения правопорядка в сельской местности см.: [Kozłowski].

Я не знал, в какую сторону мне ехать. <...> Когда мы напали на след, прошла уже пара часов. Слуга на помещицьем коне ехал по следу в одну сторону, к Доманевицам, а я запряг своего коня в бричку и направился к Могельнице, чтобы позвать на помощь жандарма. От людей, едущих на ярмарку в Раву, я узнал, что в Доманевицах переправлялись через Пилицу какие-то брички, так что я направился к этой речке и нашел след двух бричек, въехавших в воду, но тут было глубоко, так что они, вероятно, вернулись назад к деревне. За деревней я снова напал на след. Я поехал в Новый Город, а оттуда с жандармом дальше. <...> След несколько раз обрывался, так как цыгане то заматали его тряпьем на дороге, то съезжали в сторону, к лесу, то снова выезжали на дорогу, то наконец попросту переносили свои брички при помощи пары оглобель с места на место для запутывания следа. Они также петляли по большим Точицким, Гостомским и прочим лесам... но мы все преследовали их целый день и наконец добрались... до цыганского табора [Gazeta Świąteczna, 1882, № 404, s. 5]⁷.

Время от времени в прессе проскакивали голоса тех, кто призывали правоохранные органы к порядку. Так, в 1906 г. в «Праздничной газете» было опубликовано письмо, в котором обращалось внимание на попустительства земской полиции в цыганском вопросе. В своем письме в адрес редакции, охваченный сильным возмущением, вызванным жестоким убийством, совершенным в его местности кочевыми цыганами, автор, подписавшийся как Крамшчак, вопрошал:

Всякий справедливо рассуждает, что наши имущество и жизнь не застрахованы и что цыгане не должны бродяжничать. Я отправился в управление гмины⁸, чтобы узнать, не существует ли какого-либо уложения о цыганах. Мне разъяснили, что существует распоряжение властей, предписывающее жандармам арестовывать цыган, где бы те ни появились, и высылать их в повет. <...> Если это так, то почему жандармы не исполняют предписаний и распоряжений своего начальства? [Gazeta Świąteczna, 1906, № 38, s. 6].

Повсеместно царило убеждение, что в цыганском вопросе ключевую роль играла степень решительности полицейских властей. Крестьянское население, желая изгнать или наказать «цыганских вредителей», направляло множество петиций в земскую полицию,

⁷ Такие личности были предоставлены сами себе. По мнению Максимилиана Милгуй-Малиновского, крестьяне не только проявляли нежелание преследовать цыганские таборы и самоорганизовываться, но и вообще демонстрировали полную апатию, которая делала их безразличными даже к судьбе их собственных хозяйств [Miłguy-Malinowski, s. 801–802].

⁸ Гмина (*польск.* gmina – волость) – административная единица третьего уровня в Польше, наименьшая в стране.

принуждая ее фактически к вытеснению цыган из сельской местности. К такому средству прибегли отчаявшиеся жители деревни Глуск (гмина Зембожице, Люблинская губерния), вознамерившиеся уничтожить цыганский табор, расположившийся в близлежащем Зембожицком лесу [Kurjer Warszawski, 1907, № 229, s. 3].

В пропагандистских целях приводились даже многочисленные примеры якобы личного участия представителей правоохранительных сил в рассмотрении цыганского вопроса, которые представлялись как достойные похвалы. Такие чиновники издавали отдельные указы с целью удаления нежелательных мигрантов и борьбы со всякими проблемами, сопряженными с кочевыми цыганами. Начальника земской полиции в Гарволинском повете характеризовали как грозу цыган, благодаря чему последние обходили район стороной [Gazeta Polska, 1902, № 119, s. 1]. Подобные полицейские распоряжения в более ранние периоды выдавались на территории Млавского повета, но, как констатировала в 1898 г. газета «Варшавский курьер», цыгане «бродяжничают, как прежде» [Kurjer Warszawski, 1898, № 202, s. 6; Ibid., 1899, № 324, s. 5].

Свобода перемещения групп цыган была столь велика, что они проникали за пределы городов, в которые теоретически имели ограниченный доступ, хотя часть предпочитала придерживаться запретов становиться в городах с кибитками и останавливалась непосредственно у городских застав либо в выделенных местах в пределах города. Под Варшавой такими известными местами для стоянок до 1980-х гг. были Брудно, Круликарня, Повонзки и городские заставы (Иерусалимская, Мокотовская и Вольская). В самой Варшаве на основании распоряжения варшавского генерал-полицмейстера от 1908 г. цыганам запрещалось становиться табором, но, несмотря на это, коррумпированные полицейские чины допускали их на территорию подчиненных им округов. В 1911 г. данные чины получили предупреждение от начальства, что в случае обнаружения цыган в отдельных округах те будут привлечены к служебной ответственности [Ibid., 1875, № 111, s. 2; Ibid., 1883, № 159b, s. 4; Ibid., 1883, № 164, s. 4; Ibid., 1894, № 47, s. 2; Ludzkość, 1906, № 1, s. 3; Nowa Gazeta, 1911, № 467, s. 2]. Один из журналистов газеты «Польская культура» так прокомментировал существующее положение вещей:

Царство Польское – это государство, в котором все может случиться и в котором происходят случаи, нигде и никогда не виданные. <...> Здесь общество отдано на растерзание всем, даже случайным насильникам. Если когда-либо через Царство Польское пойдет большой цыганский табор, который станет в каком-нибудь месте и заменит своим войтом местного бургомистра – я уже не удивлюсь [Kultura Polska, 1912, № 12, s. 5].

Неэффективность в реализации уложения о запрете кочевого образа жизни проистекала из изменения политических и правовых ре-

лий в начале XX в. Решительное влияние имели два фактора: введение нового Устава о паспортах в 1903 г. (вместе с дополнениями и изменениями, введенными в последующие годы) и принятие Россией международных конвенций и договоров. Одна из газет в 1899 г. приводит в этой связи мнение неназванного губернатора, который в общем высказался по поводу провала в реализации уложения:

Уложение, направленное против кочевания цыган, будет оставаться мертвой буквой закона, пока цыгане пользуются всеми привилегиями, закрепленными в конвенциях с иностранными державами на основании якобы иностранного подданства, и как таковые не могут быть лишены права свободного перемещения с места на место. Большинство кочующих цыган в Царстве Польском – это сербские подданные; также имеется множество австрийских, бессарабских и румынских цыган, пользующихся преимущественно чужими паспортами, «одолженными» в Румынии; а иностранные паспорта, легализованные в российских консульствах за границей, дают цыганам право совершенно свободного въезда на территорию Российского государства, что невозможно им запретить из-за действующих международных конвенций [Gazeta Polska, 1899, № 252, s. 2].

В 1911 г. газета «Варшавский курьер» повторяла эти же аргументы, ссылаясь на положения антицыганского постановления, а в 1913 г. она же уже напрямую утверждала, что в России «цыганам разрешалось на основании международных конвенций беспрепятственно перемещаться» [Kurjer Warszawski, 1911, № 161, s. 5; Ibid., 1913, № 99, s. 7].

Информация о существовании запрета на кочевание не распространилась даже в чиновничьих кругах Королевства Польского. Это вытекает из отчета Варшавского губернского комитета по сельскохозяйственным вопросам, сотрудники которого теоретически должны были хорошо разбираться в вопросах, имеющих отношение к селу. Его текст был опубликован в «Газете Рольнича». В 1903 г. в разделе «Охрана сельскохозяйственной собственности» появился следующий вывод:

Полиция должна запретить цыганам становиться табором. Вообще желательно было бы издать предписания, запрещающие цыганам вести кочевой образ жизни, который вступает в противоречие с современным общественным укладом [Gazeta Rolnicza, 1903, № 25, s. 438].

Отсутствие эффективной реакции властей в широком понимании пробудило к борьбе с кочеванием вторую существенную силу, которой был социум Королевства Польского. Общество открыто формулировало вопросы обоснованности принятия кочевых цыган:

...действительно сложно понять, зачем у нас терпят эти банды бродяг, которые не приносят никакой пользы. <...>. Если бы в них было хоть что-

то от некогда приписывавшегося им поэтического образа, живописности. Но где там! Они грязны, неопрятны, даже гадки... и склонны только к воровству. Какая польза нашей бедной деревне от этих воруя?! [Kurjer Warszawski, 1904, № 197, s. 5].

Сельское население, как и городское, имело, однако, двойственное отношение к цыганам, что вполне укладывается в бинарную схему стереотипного мышления о представителях данного меньшинства – с одной стороны, оно опасалось кочевников, а, с другой, пользовалось, например, услугами традиционного лечения, музыкальными развлечениями или ворожбой, но в прессе писалось: «Пусть же все остерегаются цыган и лучше вообще не впускают их в свои жилища!» Клеймили также тех, кто вступали с ними в более тесные семейные связи [Gontarek, 2016b, s. 147–155]. Чтобы предостеречь от кумовства с цыганами, была описана в форме юморески история крестьянина из деревни Бернацице (Турецкий повет, Калишская губерния), который согласился быть крестным для цыганского ребенка, после чего его обокрали родители крестника [Gazeta Świąteczna, 1897, № 860, s. 2; Ibid., 1914, № 1733, s. 4].

В связи с этим пресса поддерживала такие общественные настроения, которые ориентировались на решение проблемы путем выдворения цыган из деревень. Признание находили различные методы, в том числе применение физической силы и насилия. Редакторы польской прессы игнорировали факт, что данные мероприятия были несистематичными и примитивными, обращая прежде всего внимание на то, что они являлись нередко единственным разумным и эффективным средством. В 1884 г. «Праздничная газета» в реакции на попытку крестьян силой выдворить цыган из деревни Земборжице (Люблинская губерния) писала:

Увидев жандармов, мы набрались смелости и сами набросились на цыган, силой выдворив их из нашей деревеньки. Бездельники, опасаясь за свою шкуру, вынуждены были убраться восвояси [Gazeta Świąteczna, 1884, № 191, s. 1–2; см. также: Kraj, 1903, № 5, s. 18].

Изгнанию таборов мог сопутствовать самосуд как метод устрашения бродяг, позволявший ограничить «самоволие» цыган. Например, в Юзефове под Прушковом (Варшавская губерния) целая деревня приняла участие в следствии над виновным в краже коровы. Было обнаружено, что животное было сведено цыганами, осевшими в этой местности и жившими вместе с группой кочевых цыган, что привело к палочному бою между крестьянами и пришлыми цыганами [Głos Warszawski, 1909, № 192, s. 2].

Другой пример демонстрирует, что попытка выдворения незваных гостей из Австро-Венгрии с пастбища во Влосцянах в деревне

Смульск (гмина Смиловице Варшавской губернии), на котором цыгане самовольно пасли своих коней, завершилась дракой на топорах с пришлыми. В драке участвовали как жители деревни, так и чиновники гмины [Kurjer Warszawski, 1898, № 285, s. 2].

Имели место и убийства. Так поступил, например, фермер из гмины Гзув (Варшавская губерния), жена которого попыталась прогнать с поля одну из цыганок, когда та воровала на нем картофель. Когда это не помогло, фермер сам вынес ей приговор, зарубив ее топором [Ibid., 1901, № 135, s. 6]. Причины конфликтов, приводивших к рукоприкладству, казалось бы, были незначительными, но крестьянство даже на мелкие проступки цыган реагировало резко и зачастую слишком жестоко. Известен случай, когда в Плоцкой губернии цыган, включая женщин и детей, загнали в сарай и пытались его поджечь [Ibid., 1905, № 215, s. 6]⁹.

Цыгане также не терпели насилия со стороны крестьян. Не умея вести другой образ жизни, чем тот, к которому они были привычны и который состоял в воровстве у «гаджо» главным образом мелких предметов и мелкого инвентаря, цыгане сформировали некий механизм самообороны. Крестьянство очень их боялось и утверждало, что цыгане отличались мстительностью и были способны на поджоги и грабежи. В прессе сообщалось, что когда становилось известно о появлении групп цыган в деревне или на модных в конце XIX в. дачах под Варшавой, жителей охватывало сильнейшее беспокойство. Атмосфера, возникавшая после прибытия цыган, описывалась следующим образом:

Само их появление электризует население и выбивает жизнь из нормальной колеи: женщины и мужчины бросают самую неотложную работу, спешат домой, загоняют скот и птицу, даже созывают детей, запирают ворота и ожидают прибытия словно некоего владыки – с данью, оброком, – зная, что нежелание или скупость призовут на их головы гром проклятий, угроз и страх их исполнения. Большая часть дворов отдает откуп без малейшего ропота [Gazeta Rolnicza, 1902, № 4, s. 59–60; Ibid., 1902, № 29, s. 561].

В 90-х гг. XIX в. методы выдворения пришлых цыган подверглись некоторой «модернизации», которая состояла в использовании административных инструментов; причиной тому стал наплыв большего, нежели ранее, числа мигрантов, что и вынудило к поиску более эффективных рычагов воздействия. Особенно действенными они оказались в осенний период, когда цыгане стали предпринимать попытки поиска мест для зимовки. Один из таких примеров описан в газете «Варшавский курьер» (1896). В зимнее время заезжим цыганам дозволялось становиться табором временно и за оплату за пределами городских за-

⁹ В других изданиях сообщалось о наказаниях для виновных в самосуде. См. описание обстоятельств самосуда в деревне Милоцин (Люблинский повят): [Gazeta Świąteczna, 1890, № 34, s. 6; Wiek, 1883, № 49, s. 3]. О самосудах в российских деревнях во второй половине XIX в. см.: [Frank, s. 210–248].

став. Сообщалось, что ввиду их проступков власти гмины начали отказывать в приеме от заезжих цыган страховых взносов, из которых, как правило, местным жителям возмещались убытки в связи с постоем цыган. Отказы, как было отмечено в газете, были вынужденной мерой со стороны войтов, так как в тех обстоятельствах население массово и настойчиво протестовало против цыганских таборов [Kurjer Warszawski, 1894, № 47, s. 2; Ibid., 1896, № 205, s. 5; Ibid., 1898, № 65, s. 5].

Изгнанные пришедшие цыгане расположились в предваршавских поветах, где также местное сообщество не давало своего согласия на их постой и оказывало давление на войтов и солтысов¹⁰. Аналогичные настроения были популярны в Плоцком повете, восточные районы которого, поросшие густыми лесами, в течение многих веков давали цыганам укрытие, так что те довольно часто разбивали там стоянки. Об организованных бандах бродяг писалось следующим образом:

Праздношатающиеся по стране банды цыган с каждым разом все хуже и хуже принимаются жителями волости. Они добиваются разрешения отабориваться в окрестностях Варшавы. В настоящее время цыгане не могут найти подходящего места под Варшавой и начали рассылать по деревням своих представителей, заключавших с сельскими громадами договор о месте расположения табора. Одни хотят платить услугами кузнеца и лудильщика, другие даже деньги дают. Жители из волостей Минского, Груецкого и соседних поветов, однако, не согласились на это и требуют, чтобы солтысы выдворяли банды цыган из деревень [Gazeta Świąteczna, 1896, № 797, s. 4; Ibid., 1899, № 965, s. 5].

Общественный протест привел к тому, что в 1896–1897 гг. наблюдалась высокая концентрация цыган в соседних с Варшавской губернией западных поветах Седлецкой губернии, откуда, как уже было сказано, «цыгане отправлялись на вылазки даже под Варшаву» [Kurjer Warszawski, 1896, № 205, s. 5; Ibid., 1897, № 123, s. 2]. И здесь, однако, довольно скоро сельские чиновники, наблюдая беспокойство местных жителей, связанное с пребыванием цыган, стали устанавливать для последних высокие «зимние» страховые суммы, что вызвало движение таборов на восток, под Бялу-Подляску, или дальше, вверх вдоль реки Бут, где уровень оплаты был ниже. Как извещала пресса, таборы, становящиеся на зимнюю стоянку, непрерывно сеяли в округе опустошение. На территории Новоминского повета (Варшавская губерния) у границы с поветами Седлецкой губернии земляне отметили значительную недостачу овса, клевера и картофеля¹¹. Один из владельцев имения Глина (гмина

¹⁰ Солтыс (*польск.*) – чиновник, представитель местной сельской общины, возглавлявший самую маленькую административную единицу.

¹¹ В некоторых магнатских латифундиях землянами называли мелкую шляхту, часть которой к началу XIX в. обеднела и ничем не отличалась от крестьян. Такие земляне были по сути просто зажиточными крестьянами. Часто на них в имениях возлагались полицейские функции.

Карчев) оценил ущерб в 500 рублей. У крестьян же цыгане воровали мелкий инвентарь, в то время как те работали в полях [Kurjer Warszawski, 1895, № 345, s. 4; Gazeta Polska, 1901, № 229, s. 3].

Такие меры, как может показаться, приносили определенный эффект. О влиянии бродяг упоминал хотя бы один из цыган, слова которого приводит газета «Варшавский курьер»:

В деревнях нам не дают становиться табором, выгоняют из лесов, крестьяне докучают, нам ничего не остается, как перебраться в города [Kurjer Warszawski, 1903, № 235; см. также: APPT. AWW. D. 30; APPT.TM. AMTM. D. 219, 6650; Kurjer Warszawski, 1903, № 235, s. 5; Ibid., 1904, № 232, s. 4].

Всплеск краж сразу же по появлении цыганского табора побуждал крестьян к сотрудничеству, так как с каждым разом все явственнее осознавалось, что даже административно обусловленное, хотя и бессистемное выдворение полчищ цыган и применение к ним физической силы не давали эффективных результатов – цыгане только перебирались из одной деревни в другую, зачастую находящуюся в пределах той же гмины. Мнение одного из крестьян из гмины Домбе (Калишская губерния) иллюстрирует, что в данной среде зарождались инициативы, направленные на системное управление цыганским вопросом и выходящие за рамки коллективного отказа в зимний период, что также можно причислить к новациям. Этот крестьянин сообщил, что тамошние жители хотели посредством решения властей гмины запретить продавать цыганам любые продукты под страхом денежного штрафа (на нужды церкви), что должно было отгнать непрошенных гостей, а также остудить запал тех, кто в надежде на заработок приветствовал их. Автор письма в редакцию выразил, тем не менее, надежду:

Если бы повсеместно в гминах были приняты такие указы, то цыгане вынуждены были бы находиться в одном месте и трудиться, как все, или вымерли бы, как медведи в наших лесах [Gazeta Świąteczna, 1899, № 970, s. 6]¹².

С уверенностью можно сказать, что представители сельских общин, тем не менее, не думали об искоренении кочевания при одно-

¹² Большую роль в деле объединения и интеграции крестьянства сыграли сельскохозяйственные кружки, объединения, начавшие формироваться в конце XIX – начале XX в. Создавали их земляне, вовлекавшие в свою деятельность также крестьян. В ходе дискуссии на тему необходимости создания объединения как один из аргументов упоминалась необходимость организации способа защиты от краж со стороны в том числе цыган: «Они ездят по нашим губерниям – то цыгане, то разные проходимцы, – раздевают нас до нитки по одному, а мы зачастую сами упрощаем им жизнь, отсылая их телегами от одного соседа к другому. И все почему? Потому что мы выживаем, живем, как робинзоны или св. Иоанн в пустыне, потому что мы не общаемся между собой, не договариваемся друг с другом и не подаем друг другу руки в нужде» [Kozicki, s. 555].

временном изгнании цыган в сельскую местность на постоянной основе. Реакция общества указывала на то, что первоочередной целью было, несмотря ни на что, выдворение цыган из сельской местности. Отметим, что эти меры противоречили государственным устремлениям, которые в Царстве Польском были направлены на создание возможностей для оседлого образа жизни. Во второй половине XIX в. этому вопросу не уделялось уже никакого внимания, в отличие от более раннего периода, когда цыган принуждали к отказу от кочевания, что вытекало из реформистских амбиций польского правительственного корпуса, погрязшего в просветительских догматах [Gontarek, 2016c; AGAD. KRSW. D. 7147; APK. NPK. Ser. 2.6. D. 726].

Поскольку с 1990-х гг. случаи прибытия групп цыган на зимний постой в деревни происходили все чаще, народные газеты, особенно остро воспринимавшие бремя своей ответственности за крестьянские слои населения, рьяно высказывались по поводу образа жизни цыган. В их оценке полуоседлый характер цыганского поселения имел негативные результаты для крестьян, причем одновременно поднимался вопрос совместной ответственности крестьянства за способствование такому способу поселения и, тем самым, за участие в снижении уровня безопасности на селе. До сведения крестьян доводилось, что от них самих должно было зависеть, поглотит ли анархия их деревню вследствие длительного пребывания в ней цыган, или же удастся обеспечить покой и порядок. Формировалось негативное отношение к тем крестьянам, которые в зимнее время ради заработка принимали у себя кочевых цыган. Таким крестьянам вменялось, что, хотя они сами благодаря полученной от цыган плате за постой улучшили свое материальное положение, одновременно они стали причиной ущерба в окрестных хозяйствах, соседних деревнях, поскольку цыгане вовсе не отказывались от воровства. Бродячие цыгане поступали так, можно сказать, из «лучших» побуждений: не желая подвергать убыткам жилище, в котором им давали приют, цыгане крали у соседей. Доходило даже до того, что после долгой зимы исчерпывались «ресурсы» всей округи. В таких случаях, не имея иных источников заработка, цыгане могли даже обокрасть костел. Об этом написал в газете «Заря» приходской священник Озорковской парафии, назвав цыган из табора, расположившегося в его окрестностях на зимовку, «непрощеными гостями» и «выродками общества». Однако он оценивал воровство в деревнях несколько шире, подчеркивая, что с 1980-х гг. эта проблема начала усугубляться, и уголовщина процветала прежде всего среди самих сельских жителей. Будучи духовным лицом, священник трактовал данное явление как отсутствие в деревнях «истинной религиозности» и духовного образования, что также совпадало с мнением авторов светских газет, которые уделяли большое внимание борьбе с суевериями и одновременно трудились

на ниве просвещения крестьянских масс, прежде всего в духе христианства [Zorza, 1883, № 25, s. 2–3]¹³.

Таким образом, никто не отрицал, что множество крестьян ради выгоды принимали кочевых цыган. Об этом явлении образно высказался один из просвещенных представителей этой прослойки из деревни Кренги в Пултуском повете. Он писал:

У нас страшно распространились по окрестным селам и в нашей деревне тоже – ба! – в нашей-то деревне аж в трех дворах их приняли хозяева на зимовку: в одном помещении с ними сидят, и смотрят на их воровство, и попустительствуют им. И краж с каждым разом все больше: не достоин стог на поле, дерево в сажени, конь в конюшне, свинья в хлеву и т. д. [Ibid., 1899, № 16, s. 247–248].

Рост сознания жителей деревни привел к перелому отношения к такой позиции, она перестала быть приемлемой, поэтому время от времени против присутствия цыган протестовали жители соседних деревень. В газете «Заря» сообщалось о конфликте на этой почве между жителями гмины Бодзанув и крестьянами из деревни Паркочево (Плоцкая губерния), где цыгане нашли временное пристанище [Ibid., 1899, № 9, s. 140].

Еще более угрожающей, чем временное пребывание цыган, публицистам представилась перспектива создания оседлого цыганского поселения. Цыган, приобретающий статус постоянного поселенца, помимо получения права на приобретение недвижимости, уравнивался в правах с остальными членами общества. На местах предпринимались попытки согнать оседлых цыган и побудить их кочевать, хоть это было и нелегко, особенно когда таким мерам не содействовали коррумпированные сельские чиновники, жадные до цыганских подарков. В 1980-е гг. были описаны настойчивые попытки жителя деревни Бялобжеги (Ломжинская губерния) выдворить из данной местности оседлых цыган. Единственным эффективным методом, как оказалось, стал подкуп представителей администрации повета:

...Как начал ездить в повет, и передавать, и говорить, так цыганам и приказано было убираться восвояси... Тут же после их отъезда кражи прекратились, за что все [люди] по всей деревне по сей день Бога благодарят [Gazeta Świąteczna, 1884, № 188, s. 3].

¹³ Озорковский священник попытался проанализировать, кто, помимо цыган и евреев, наиболее часто совершал кражи в деревнях, в результате чего пришел к выводу, что крали все, от бедняков и челяди до войтов и даже членов церковных братств: «И что удивляться, что цыгане воруют, когда такие набожные, с распятиями на шеях и в руках, которые с таким кротким видом прислуживают во время богослужения... в костеле, попирают седьмую заповедь Божью! <...> Какая-то безумная жажда овладела людьми, и им кажется, что только воровство способно ее утолить! На прошлогодний стебель позарятся. Будь то листок из сада, будь то щепка со двора, да хоть корзинка картофеля из магазина – лишь бы только из чужого, лишь бы только украсть!» [Zorza, 1883, № 26, s. 2–3].

Несомненно, к числу действенных способов, отбивавших охоту у оседлых цыган жить жизнью сельских жителей, был остракизм со стороны общества. По определению, такие цыгане, будучи чужаками, должны были считаться с нежеланием и враждебностью части сельских жителей. Учитывая напряженные отношения между оседлыми цыганами и сельскими жителями, «Праздничная газета» поднимала вопрос о целесообразности поселения групп цыган в сельской местности вообще, указывая на то, что накалявшаяся вокруг них атмосфера делала невозможной их некогда спокойную жизнь, а иногда и наполнялась ощущением постоянной угрозы. Уже сам факт того, что, живя на земле, цыгане ее не обрабатывали, возбуждал подозрения, тем более, когда их достаток был выставлен напоказ¹⁴. Такой образ жизни вел, например, на территории угодья Бонкув под Шидловцем (Радомская губерния) цыганский войт по фамилии Долинский:

Он откупил при предыдущем владельце деревни Кузни участок песчаного холма и построил на нем усадьбу, а когда какой-то неизвестный устроил ему поджог, то отстроил себе новый основательный дом с овином и хлевами. В доме окна прочно окованы железом, дом стерегут четыре свирепых пса, посаженных на цепи по четырем углам дома. У Долинского имеется пара рабочих коней, добротная бричка, а сам он одевается богато, в жженные сапоги и дорогие меха. Так не может уродить на песчаной горке... [Gazeta Świąteczna, 1893, № 664, s. 3].

Описаны также судьбы его земляков, которым не повезло в деревне:

А прежние... поделники из Здзехова опустили, ибо разленились, спились и растеряли умения. Хозяйства их так обнищали, что сегодня им нечего есть, и они бесконечно занимают у ростовщиков. Один из них продал усадьбу площадью 27 моргов¹⁵ и куда-то переехал; другой дошел до такого состояния, что в настоящее время живет с женой и детьми в поле, в хижине из соломы и лапника, хоть до этого у него была собственная изба. А остальные отбывают тюремный срок [Gazeta Świąteczna, 1893, № 678, s. 2].

¹⁴ В народных газетах практически всякого, кто брался за работу, отличную от сельскохозяйственной, называли аллохтоном. Зачастую такому подходу сопутствовала враждебность. Особым гонениям подвергались евреи, олицетворявшие такие коммерческие профессии, которые считались недостойными или вредными для сельских жителей, такие как финансовый посредник (кредитор), кабатчик, ростовщик, арендатор, старьевщик, шинкарь и пр. Энтузиазм вызывали именно случаи, когда те начинали заниматься сельскохозяйственными работами. С цыганами поступали наоборот: главная цель состояла не в том, чтобы их по возможности «перевоспитать» и оставить на селе, а в решительном их изгнании. О еврейских сельскохозяйственных работниках из Ополя-Любельского (Люблинская губерния) см., например: [Zorza, 1884, № 34, s. 7]. См. также: [Kopczyńska-Jaworska, s. 349–358].

¹⁵ Морг (польск. mórg) – устаревшая единица измерения площади земли в средневековой Западной Европе и, в частности, в Речи Посполитой, равная приблизительно 0,56 га.

Доказывалось также, что оседлые цыгане не только не могли интегрироваться в окружающую среду и были источником анархии в окрестностях, в которых обитали, но также притягивали маргинальных представителей общества, преступников. Их обвиняли в создании воровских шайк и вовлечении в преступные сети крестьянства, жадного до легких денег; бытовало мнение, что именно они виновны в деградации крестьянства. Упомянутые шайки терроризировали окрестное население, угрожая ему поджогами. Описаны примеры из Келецкого повета, деревни Михнюв, в которой часть крестьян присоединилась к цыганской воровской шайке [Gazeta Świąteczna, 1891, № 563, s. 5–6]. На проблему нежелательной интеграции сообщества оседлых цыган с сельскими жителями также обращал внимание крестьянин из гмины Сенница (Новоминский повет Варшавской губернии), который следующим образом красноречиво охарактеризовал цыганско-крестьянские маргинальные связи в своей местности на примере «малины», устроенной одним из польских крестьян:

У нас постоянно проживает несколько цыганских семей. <...> Крестьяне все время боятся за сохранность своего имущества. Но они сами в этом виноваты, потому что охотно дают кров этим непрошеным гостям, едят с ними и пьют... Частым гостем у сенницких цыган бывал Игнатий Маевский, постоянный житель Пшесмыков, что в Константиновском повете. Он держал в страхе всю округу, будучи сильным и ловким вором. Но, сколько веревочке ни виться, а конец все равно будет. Маевский по приезде к поделщикам, жившим в деревне Теклина у крестьянина... закатил там большую гулянку, на которую пришли несколько цыган с цыганками и местные крестьяне. Собравшиеся плясали под цыганскую музыку, ели и пили. Наконец, выпив лишнего, цыгане перессорились между собой. Маевский начал ссориться со своей невестой или женой, а когда та не захотела ему уступить, снял с ноги сапог и так сильно ударил им женщину в грудь, что та замертво упала на землю. Цыган, решив, что убил ее, схватил со стола острый нож, выбежал в отчаянии в сени и ударил себя в грудь [Gazeta Świąteczna, 1894, № 49, s. 2]¹⁶.

Несомненно, трудно определить масштабы такого явления, каким была борьба жителей деревни с кочеванием и бродяжничеством цыган. Аналогичные трудности вызывает оценка масштаба антицыганской пропаганды в польской прессе ввиду крайнего разброса материала источников. Однако нельзя не заметить, что во второй половине XIX в. именно польское общество было той силой, которая наиболее интенсивно искала пути решения так называемого «цыганского вопроса», хотя в указанный период среди крестьян были распространены

¹⁶ Об аналогичном случае в гмине Гославице (Новорадомского повета) см.: [Zorza, 1896, № 49, s. 779].

ны случаи приема цыган на постой. В своих усилиях жители сельской местности были скорее брошены на произвол, хотя, без сомнения, как российские власти, так и исполнительные органы на местах предпринимали попытки ограничить кочевки цыган. Эти попытки оказались, тем не менее, абсолютно неэффективными, что вытекало из осознания политическими силами проблемы кочевания как маргинальной, существовавшей на периферии государственных задач.

Список литературы

- Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В.* История цыган – новый взгляд. Воронеж : ИПФ «Воронеж», 2000. 334 с.
- Зюков А. М.* Генезис уголовной этнополитики российского государства в период X–XXI вв. Владимир : ИП Журавлева, 2008. 448 с.
- Левентим А. А.* Конокрадство с юридической и бытовой стороны // Вестн. права. 1899. № 2. С. 28–82.
- ПСЗРИ. 1894. Т. 14.; 1899. Т. 19. Ч. 1; 1902. Т. 22.
- AGAD. KRSW. D. 7147.
- APK. NPK. Ser. 2.6. D. 726.
- APKL. KGK. D. 460, 979, 1268.
- APPT. AWW. D. 30.
- APPT. TM. AMTM. D. 219, 6550.
- Crowe D. M.* A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia. N. Y. : St Martin's Press, 1996. 317 p.
- Czarniecki L.* Szkic zwalczania żebractwa i włóczęgostwa // Gazeta Sądowa Warszawska. 1928. № 21. S. 321–323.
- Ficowski J.* Cyganie na polskich drogach. Warszawa : Wydawnictwo Literackie, 1985. 426 s.
- Frank S. P.* Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia 1856–1914. Berkeley : Univ. of California Press, 1999. 352 p.
- Garwacki S.* Koniokrądzstwo w Polsce w latach 1922–1938 // Przegląd Policyjny. 1939. № 4. S. 248–264.
- Gazeta Kaliska. 1902. № 199.
- Gazeta Polska. 1899. № 252; 1901. № 229; 1902. № 119.
- Gazeta Rolnicza. 1902. № 4; 1902. № 29; 1903. № 25.
- Gazeta Świąteczna. 1884. № 188; 1884. № 191; 1890. № 34; 1891. № 563; 1893. № 664; 1893. № 678; 1894. № 678; 1896. № 797; 1897. № 860; 1899. № 965; 1899. № 970; 1906. № 38; 1914. № 1733.
- Gazeta Warszawska. 1882. № 169; 1893. № 115.
- Głos Warszawski. 1909. № 192.
- Gontarek A.* Cyganie w Królestwie Polskim w świetle doniesień «Kurjera Warszawskiego» // Studia Mazowieckie. 2016a. № 2. S. 81–109.
- Gontarek A.* Cyganie jako problem społeczny na wsiach Królestwa Polskiego w drugiej połowie XIX wieku w świetle prasy dla ludu // Facta Simonidis. 2016b. № 1. S. 125–160.
- Gontarek A.* Cyganie osiadli w Królestwie Polskim. Próba opisu statystycznego // Studia Romologica. 2016c. № 9. S. 211–236.
- Kopczyńska-Jaworska B.* Swój czy obcy – rodzaj dystansu kulturowego // Polacy – Niemcy – Żydzi w XIX–XX wieku : Sąsiedzi dalecy i bliscy / red. P. Samuś. Łódź : Inst. Historii Uniwersytetu Łódzkiego, 1998. S. 349–358.
- Kozicki S.* Spółki czy towarzystwa rolnicze // Gazeta Rolnicza. 1889. № 42. S. 555–556.
- Kozłowski J.* Straż Ziemiska w Królestwie Polskim 1867–1875 // Przegląd Historyczny. 2000. № 4. S. 519–534.
- Kraj. 1903. № 5.
- Kultura Polska. 1912. № 12.

Kurjer Warszawski. 1875. № 111; 1883. № 159; 1883. № 164; 1894. № 47; 1895. № 172; 1895. № 345; 1896. № 205; 1897. № 123; 1898. № 65; 1898. № 202; 1898. № 285; 1899. № 324; 1904. № 197; 1901. № 135; 1903. № 235; 1904. № 232; 1905. № 215; 1907. № 229; 1911. № 161; 1913. № 99.

Ludzkość. 1906. № 1.

Marushiakova E., V., Popov V. Gypsy/Roma Migrations from 15th Century Till Nowadays // Proceedings of International Conference „Romani Mobilities in Europe: Multidisciplinary Perspectives” / ed. N. Sigona. Oxford : Refugee Studies Centre, 2010. P. 126–131.

Mikołajczyk J. Cyganie plagą // Zranie. 1911. № 44. S. 1039.

Miłgaj-Malinowski M. Obojętność, ospałość i ciemnota // Zorza. 1905. № 30. S. 801–802. Nowa Gazeta. 1911. № 467.

Słowo. 1890. № 55.

Wiek. 1883. № 49.

Zorza. 1883. № 25; 1883. № 26; 1896. № 49; 1899. № 9; 1899. № 16.

References

AGAD. KRSW. D. 7147.

APKL. KGK. D. 460, 979, 1268.

APPT. AWW. D. 30.

APPT. TM. AMTM. D. 219, 6550.

Demeter, N., Bessonov, N., Kutenkov, V. (2000). *Istoriya tsygan – novyi vzglyad* [The History of Gypsies: A New Look]. Voronezh, Izdatel'sko-poligraficheskaya firma "Voronezh". 334 p.

Zyukov, A. M. (2008). *Genezis ugolovnoi etnopolitiki rossiiskogo gosudarstva v period X–XXI vv.* [The Genesis of the Criminal Ethnopolitics of the Russian State in the Period between the 10th and 21st Centuries]. Vladimir, Individual'nyi predprinimatel' Zhuravleva. 448 p.

Levenstim, A. A. (1889). Konokradstvo s yuridicheskoi i bytovoi storony [Horse-stealing in its Legal and Everyday Aspects]. In *Vestnik prava*. No. 2, pp. 28–82.

PSZRI [A Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection]. 1894. Vol. 14.; 1899. Vol. 19. Part 1; 1902. Vol. 22.

Crowe, D. M. (1996). *A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia*. N. Y., St Martin's Press. 317 p.

Czarnecki, i L. (1928). Szkic zwalczania żebractwa i włóczęstwa. In *Gazeta Sądowa Warszawska*. № 21. S. 321–323.

Ficowski, J. (1985). *Cyganie na polskich drogach*. Warszawa, Wydawnictwo Literackie. 426 s.

Frank, S. P. (1999). *Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia 1856–1914*. Berkeley, Univ. of California Press. 352 p.

Garwacki, S. (1939). Koniokradztwo w Polsce w latach 1922–1938. In *Przegląd Policyjny*. № 4. S. 248–264.

Gazeta Kaliska. 1902. № 199.

Gazeta Polska. 1899. № 252; 1901. № 229; 1902. № 119.

Gazeta Rolnicza. 1902. № 4; 1902. № 29; 1903. № 25.

Gazeta Świąteczna. 1884. № 188; 1884. № 191; 1890. № 34; 1891. № 563; 1893. № 664; 1893. № 678; 1894. № 678; 1896. № 797; 1897. № 860; 1899. № 965; 1899. № 970; 1906. № 38; 1914. № 1733.

Gazeta Warszawska. 1882. № 169; 1893. № 115.

Głos Warszawski. 1909. № 192.

Gontarek, A. (2016a). Cyganie w Królestwie Polskim w świetle doniesień “Kurjera Warszawskiego”. In *Studia Mazowieckie*. № 2. S. 81–109.

Gontarek, A. (2016b). Cyganie jako problem społeczny na wsiach Królestwa Polskiego w drugiej połowie XIX wieku w świetle prasy dla ludu. In *Facta Simonidis*. № 1. S. 125–160.

Gontarek, A. (2016c). Cyganie osiadli w Królestwie Polskim. Próba opisu statystycznego. In *Studia Romologica*. № 9. S. 211–236.

Kopczyńska-Jaworska, B. (1998). Swój czy obcy – rodzaj dystansu kulturowego. In Samuś, P. (Ed.). *Polacy – Niemcy – Żydzi w XIX–XX wieku : Sąsiedzi dalecy i bliscy*. Łódź, Inst. Historii Uniwersytetu Łódzkiego. S. 349–358.

Kozicki, S. (1889). Spółki czy towarzystwa rolnicze. In *Gazeta Rolnicza*. № 42. S. 555–556.

Kozłowski, J. (2000). Straż Ziemska w Królestwie Polskim 1867–1875. In *Przegląd Historyczny*. № 4. S. 519–534.

Kraj. 1903. № 5.

Kultura Polska. 1912. № 12.

Kurjer Warszawski. 1875. № 111; 1883. № 159; 1883. № 164; 1894. № 47; 1895. № 172; 1895. № 345; 1896. № 205; 1897. № 123; 1898. № 65; 1898. № 202; 1898. № 285; 1899. № 324; 1904. № 197; 1901. № 135; 1903. № 235; 1904. № 232; 1905. № 215; 1907. № 229; 1911. № 161; 1913. № 99.

Ludzkość. 1906. № 1.

Marushiakova, E., V., Popov V. (2010). Gypsy/Roma Migrations from 15th Century till Nowadays. In Sigona, N. (Ed.). *Proceedings of International Conference „Romani Mobilities in Europe: Multidisciplinary Perspectives”*. Oxford, Refugee Studies Centre, pp. 126–131.

Mikołajczyk, J. (1911). Cyganie plagą. In *Zaranie*. № 44. S. 1039.

Miłgaj-Malinowski, M. (1905). Obojętność, ospałość i ciemnota. In *Zorza*. № 30. S. 801–802.

Nowa Gazeta. 1911. № 467.

Słowo. 1890. № 55.

Wiek. 1883. № 49.

Zorza. 1883. № 25; 1883. № 26; 1896. № 49; 1899. № 9; 1899. № 16.

APK. NPK. Ser. 2.6. D. 726.

The article was submitted on 11.06.2018